

УДК 351.742/351.749

Власов А.Е., аспирант, Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского (Россия)

Штепа А.В., кандидат исторических наук, доцент, Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского (Россия)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАЛУЖСКОГО РОЗЫСКНОГО ПУНКТА ЦЕНТРАЛЬНОГО (МОСКОВСКОГО) РАЙОННОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ОРГАНОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА В 1906 – 1907 ГГ.

В статье публикуются ранее неизвестные данные об особенностях структурной организации политического розыска в Калужской губернии, входившей в Центральное районное охранное отделение: а) практика приёма на службу в качестве филёров (агентов наружного наблюдения), их количество, сословная принадлежность, размер ежемесячного содержания; б) практика работы внутренней агентуры (секретных сотрудников). Авторами установлены их клички, точное количество, партийная принадлежность, размер жалованья, получаемого в «охранке»; в) перлюстрация почтовой корреспонденции. С опорой на широкий круг источников и богатый архивный материал авторы попытались определить место Калужского розыскного пункта в системе политического сыска Российской империи. Рассматриваются специфика служебных контактов чинов общей полиции и жандармского офицера, руководившего розыском и агентурой по Калуге и уездам губернии. Авторы констатируют низкий результат работы службы наружного наблюдения (филёров) и раскрывают причину – недостаточное умение руководителя розыскного пункта ротмистра Н.М. Никифорова разбираться в людях и его недостаточная профессиональная компетентность. В 1907 г. качество работы филёрской службы несколько улучшилось, но под началом опытного агента. Качество работы внутренней агентуры (агентов-провокаторов) была организована лучше, результатом чего стало предотвращение покушения на жизнь калужского губернатора А.А. Офросимова и начальника Калужского губернского жандармского управления.

Ключевые слова: Центральное (Московское) охранное отделение, Калужский розыскной пункт, Калужское губернное жандармское управление, Н.М. Никифоров, филеры, внутренняя агентура, перлюстрация

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-01-24-36

Введение. Источниковой базой статьи служат фонды Государственного Архива Российской Федерации (далее – ГА РФ), хранящие нормативно-правовые документы об организации работы политического сыска Российской империи, среди которых выделим «Инструкции чинам, состоящим в распоряжении директора Департамента полиции по заведованию охранными пунктами» (1902) [11, л. 21-23 об.], «Инструкцию филёрам летучего отряда и филёрам розыскных и охранных отделений» (1902) [11, л. 114-115], «Положение о районных охранных отделениях» (14.12.1906) [12, л. 71-73], «Положение об охранных отделениях» (09.02.1907) [13, л. 1-4], «Инструкция начальникам охранных отделений по организации наружного наблюдения» (1907) [14, л. 1-5]. Вторая группа источников, относящаяся к методам организации политического розыска в Калужской губернии выявлена в фондах Государственного архива Калужской области (далее – ГАКО). В этом контексте большое значение имеют

материалы фонда № 784 «Калужское губернское жандармское управление» (далее – КГЖУ) и фонда № 1332 «Прикомандированный к Калужскому губернскому жандармскому управлению ротмистр Никифоров».

Согласно «Положению о районных охранных отделений» от 14 декабря 1906 г. было образовано 8 районных охранных отделений. Одним из них было Центральное, его руководителем был глава Московского охрannого отделения, который по совместительству мог занимать пост начальника Московского губернского жандармского управления. Именно Москва объединяла вокруг себя деятельность структур политического розыска следующих губерний: Московской, Тверской, Ярославской, Вологодской, Архангельской, Костромской, Калужской, Тульской, Орловской, Владимирской, Рязанской, Нижегородской. Структурный состав каждого района не отличался инертностью. Некоторые губернии выводились из состава одного района и вводились в другой. Так, в 1909

г. из состава Северо-Западного района была выведена Смоленская губерния, включенная в состав Центрального района, из которого, в свою очередь, выводились Архангельская и Вологодская губернии, включавшиеся в состав Северного района [13].

Современный исследователь А.С. Опилкин разделяет деятельность Центрального (Московского) охранного отделения в системе политической полиции Российской империи за весь период его существования на следующие этапы:

1) Подготовительный этап (1906–1907 гг.), в рамках которого можно проследить организационные аспекты создания ЦРОО.

2) Собственно, 1 этап (1907–1909 гг.), в рамках которого оформляется структура ЦРОО, устанавливаются контакты с региональными органами политической полиции и Департаментом полиции.

3) 1910–1914 гг. – заключительный этап работы и существования ЦРОО [15].

Объект исследования: институциональный аспект, связанный с устройством розыскного пункта на региональном (Калужском) уровне.

Методы исследования: основное внимание уделено антропологически ориентированному подходу и методу просопографии, способствующих выявлению личностных характеристик руководителя Калужского розыскного пункта, личного состава розыскного пункта и контингента внутренней агентуры.

Результаты и обсуждения. Калужский розыскной пункт возник в ходе первой русской революции для наблюдения за явлениями общественной жизни, повлекшими за собой политическое недовольство или брожение, а также для розыска политически преступных лиц, таких как: агитаторы, демонстранты, транспортировщики нелегальной литературы, устроители тайных типографий, производители фальшивых паспортов, сборщики денег на нелегальные цели и т.д. Для осуществления указанных целей предполагалось организовать наблюдение в политическом отношении за скоплениями людей в государственных и частных учреждениях, а также наблюдение за рабочим и крестьянским населением. Заведующие розыскными пунктами непосредственно подчинялись Департаменту полиции через начальника

губернского жандармского управления, который поддерживал тесные контакты с заведующими розыскными пунктами, не вникая, однако в суть их действий по существу, поскольку это дело было прерогативой Департамента полиции.

Первым заведующим политическим розыском и агентурой при жандармском управлении Калужской губернии стал ротмистр Отдельного Корпуса жандармов Николай Митрофанович Никифоров. С 24 февраля по 15 мая 1906 г. он исполнял обязанности адъютанта при калужской жандармерии. По согласованию с начальником Калужского губернского жандармского управления (далее – КГЖУ) полковником В.П. Шлейфером ротмистр Н.М. Никифоров был направлен в Московское охранное отделение для практического ознакомления с делом политического розыска. Свою работу жандармский офицер выполнял с 30 мая 1906 г. по 26 июня 1907 г. Направлениями работы розыскного пункта были: организация наружного и внутреннего наблюдения в Калуге и уездах губернии, устройство канцелярии и перлюстрация почты. Сам же ротмистр по поручению начальника КГЖУ занимался проведением дознаний и перепиской в порядке установленном «Положением о Государственной охране». Производству дознания предшествовал обыск в квартире интересовавших жандармерию лиц, предположительно принадлежавших к антиправительственным организациям: партии социал-демократов (большевиков и меньшевиков), или эсеров, и хранивших у себя нелегальную политическую литературу: книги, брошюры, листовки, мимеографы, оружие, взрывчатые вещества, или бомбы. Ротмистр Никифоров начинал оформление служебной документации с заполнения бланка литеры «А» (уведомление о возбуждении дознания). На бланке указывались наименование и место дознания. Дознания проводились, как правило, самим ротмистром Никифоровым. За ходом проведения дознания наблюдал чиновник от прокурорского надзора – товарищ прокурора Калужского окружного суда, которому жандармский офицер направлял уведомление о возбуждении дознания с указанием данных о личности фигуранта дознания, о вызове свидетелей по делу. С ходатайством о вызове на

допрос в качестве свидетелей Никифоров обращался к калужскому полицмейстеру. Допросы свидетелей проводились либо в жандармском управлении, либо в канцелярии Калужского розыскного пункта на Пушкинской улице в доме Медзыховской [8, л. 6]. Основанием возбуждения дознаний служили либо сообщения полиции с препровождением соответствующих вещественных доказательств, либо негласная разведка унтер-офицера управления. В конце документа ставилась дата и подпись начальника КГЖУ, или его помощника. Перед составлением протокола допроса задержанного ротмистр направлял запрос в городское или уездное полицейское управление с просьбой предоставить метрику и информацию о семье или родственниках задержанного, а также сведения о привлечении ранее к уголовной ответственности. В бланк под литерой «Б» заносились сведения о лице, привлечённом к дознанию в качестве обвиняемого в преступлении, предусмотренного соответствующей статьёй Устава уголовного судопроизводства или Уложения о наказаниях Российской империи. В конце указывалась мера пресечения. При необходимости её изменения указывалась причина. В качестве частой причины изменения меры пресечения ротмистр Никифоров указывал недостаточность вещественных доказательств и распоряжения начальника жандармского управления – отправить на следствие. Если обвиняемый состоял на государственной службе, то о его настоящем положении ставилось в известность начальство, которое реагировало уведомлением об увольнении попавшего под следствие работника. Если при следствии не удавалось найти доказательств принадлежности человека к революционному сообществу, а также его участие в нём, то дознание прекращалось. Окончание дознания фиксировалось в бланке под литерой «Г». В нём указывались сроки начала и окончания дознания, время препровождения результатов дознания начальнику жандармского управления, и далее представителю прокурорского надзора. Для принятия окончательного решения о судьбе привлекавшегося к дознанию человека, вину которого не удалось доказать, назначалось губернское совещание в составе начальника КГЖУ, прокурора Калужского

окружного суда под председательством калужского губернатора. На этом совещании обсуждалась дальнейшая судьба привлекавшегося к дознанию: отменить или сохранить избранную меру пресечения. Например, одной женщине, содержащейся под стражей в Калужской губернской тюрьме по обвинению в принадлежности к партии эсеров, дважды изменяли меру пресечения – сначала освобождение из-под стражи под особый надзор полиции, а на губернском совещании от 28 декабря 1906 г. отменили и эту меру пресечения. По нашим подсчётам ротмистром Никифоровым было проведено около 20 дознаний. Об отношении ротмистра Никифорова к своим обязанностям говорит служебное донесение под грифом «секретно» начальника КГЖУ, адресованное самому Никифорову. В нём говорится о серьёзных нарушениях, допущенных Никифоровым при проведении дознаний. Как видно из выводов полковника В.П. Шлейфера, именно в них и были причины конфликта с чинами общей полиции. Чинам полиции ротмистр поручал вести допросы свидетелей по делам политического характера, в то время как допросы обязан был проводить он лично. Поэтому чины полиции понимали направляемые им ротмистром поручения как требование провести всё дознание. Кроме того, в донесении В.П. Шлейфер вменял ротмистру в вину проявленную неоперативность при проведении дознаний. Эту точку зрения поддерживал и товарищ прокурора Калужского окружного суда. Жандармский офицер не всегда своевременно выносил постановления о начале производства дознаний, в чём подвергался критике со стороны помощника полковника Шлейфера ротмистра Александра Николаевича Дурново и прокурора Калужского окружного суда. Осмотр вещественных доказательств по тому или иному делу ротмистр Никифоров составлял постфактум, т.е. после проведения оперативно-следственных действий, перед окончанием дознания. Начальник КГЖУ приводил конкретные примеры, когда Никифоровым не составлялись протоколы осмотра вещественных доказательств вообще. За него это вынужден был делать ротмистр Дурново, или чины полиции. Составляемые Никифоровым протоколы осмотров вещественных доказательств не редко не содержали в себе важных

подробностей, описывали лишь наружные признаки вещей без кратких выдержек из каких-либо нелегальных изданий, брошюр, воззваний и т.д. На деле Никифоров осматривал изъятые при обыске вещи прежде, чем предъявлялось обвинение задержанному. Но это не оформлялось в дознании надлежащим образом. При совершении преступлений в уездах в отсутствие на месте представителей Министерства юстиции – судебного следователя предъявлять обвинение задержанным обязаны были чины местной полиции. В этих случаях ротмистр Никифоров был обязан отдавать распоряжения, чтобы уездные исправники предъявляли обвинение, которое предварительно должен был сформулировать ротмистр. Для допросов обвиняемых ротмистр Никифоров заранее заготавливал список вопросов, который он и направлял исправникам. Но, по заключению полковника В.П. Шлейфера, это не делалось Никифоровым в отношении допроса свидетелей, ограничивавшимся лишь требованиями допросить таких-то людей по существу дела [2, лл. 11 – 11 об., 12, 13-13 об.]. Попытка Никифорова изъять из производства полиции эти дознания наткнулась на крайне негативную реакцию со стороны полицейских чинов. Особенно в этом отношении непримиримее других был представ 2-й части, будущий начальник калужской сыскной полиции Владислав Данишевский, который, по возможности, запрещал своему заместителю и подчинённым околоточным надзирателям предоставлять какую-либо информацию по политическим делам вверенной ему части, а иногда и опережал Никифорова в деле ликвидаций тайных типографий, оборудованных на частных квартирах. Так было и в деле о тайной типографии Роговой – члена калужского комитета РСДРП. Намеченная ротмистром Никифоровым ликвидация типографии сорвалась из-за действий чинов общей полиции под началом Данишевского, взявшей типографию раньше. Никифоров в долгу не оставался. Жаловался на полицию как своему начальнику, так и губернатору, а иногда и сваливал на полицию вину за то, что в момент явки на обыск жандармов и полиции в квартире не оказывалось лиц, на которых Никифорову указывала его секретная агентура [10, лл. 3–3 об., 4].

Филёрами могли стать как штатные

унтер-офицеры жандармских управлений, так и сотрудники по вольному найму. Вольнонаёмным филёром мог стать политически благонадёжный обыватель, не состоявший под судом и следствием, трезвого поведения и подавший прошение на имя прикомандированного к Калужскому ГЖУ ротмистра Н.М. Никифорова. В прошении указывались данные заявителя: фамилия, имя, звание и место жительства. Установлено, что в период с 13 апреля 1906 г. по 10 сентября 1907 г. в КГЖУ на имя жандарма Никифорова было подано порядка 15 заявлений. Первое заявление было подано 13 апреля 1906 г. Его автором был мосальский мещанин, проживавший в Козельске Иван Григорьевич Свистунов. Вторым заявление подал крестьянин Лихвинского уезда Николай Иванович Дадочкин. 10 июля было подано прошение о принятии на службу филёром вольного найма от Александра Лаврентьевича Зуева (родился 26 апреля 1879 г., происходил из мещан Пермской губернии). Ещё одним желающим стать вольнонаёмным филёром оказался младший запасный унтер-офицер, мещанин г. Зенькова Полтавской губернии Владимир Иванович Аранович, проживавший по Казанской улице в доме Незировского. Заявление было им подано 11 июля 1906 г., а 27, 28 и 31 июля были поданы ещё три заявления. Одним из подавших оказался отставной жандармский унтер-офицер Тимофей Кривов, другим – запасный старший фейерверкер Григорий Тяпкин, а третьим – обер-офицерский сын, житель г. Калуги Николай Евгеньевич Яхонтов.

В августе – октябре 1906 г. ещё три человека подали прошение о принятии их на службу в качестве агентов наружного наблюдения. Сословное происхождение двоих нам установить не удалось. Известны лишь их имена и место жительства – оба проживали в Калуге. Одного звали Илья Тихонович Грибанов (Ильинская улица, дом Ростиславова), а другого – Иван Клементьевич Мазуренко (близ Николаевских казарм в собственном доме). Третьим заявителем оказался запасный старший писарь высшего оклада КГЖУ, служивший в 25 пехотном Смоленском полку, крестьянин д. Подберезье Батищевской волости Мосальского уезда Семён Ефимович Горелов [4, л. 1-37].

На основании поданных прошений к 1

октября 1906 г. был образован штат агентов наружного наблюдения, состоявший из 5 вольнонаёмных филёров. Старшим агентом с 10 июля 1906 г. был назначен А.Л. Зуев, которому был присвоен агентурный псевдоним «Лабзов», положен служебный оклад в размере 50 руб. В число его обязанностей входило производство установок по г. Калуге. Зуеву (Лабзову) подчинялись 4 вольнонаёмных филёра: Н.И. Дадочкин (принят на службу 01.07.1906 г.), И.Т. Грибанов (с 16.08.1906) и И.К. Мазуренко (с 05.09.1906) с месячным окладом в 30 руб. и некто Бессонов (его заявление в архиве не сохранилось) с жалованьем в 40 руб. в месяц. С каждого их из них бралась подписка о неразглашении профессиональных тайн. В случае разглашения секретной информации они подлежали уголовному преследованию по обвинению в совершении преступления против государства. Департамент полиции ставил жандармского офицера в известность, что денежные средства на их содержание будут отпускаться в случае получения качественной и достоверной информации. Об этом были предупреждены и агенты наружного наблюдения. Доказательством тому служат расписки агентов. Суть их донесений сводилась к более подробному ознакомлению с благонадёжностью жителей Калуги. В то же русло была направлена работа секретных сотрудников [4, лл. 14, 16–16об.]. Следует подчеркнуть, что не все агенты отличались «высоким» моральным обликом. Двое вольнонаёмных агентов наружного наблюдения, Мазуренко и Грибанов, были уволены уже 6 октября 1906 г. за пьянство [4, л. 22]. Один из указанных лиц, Грибанов, предпринимал попытку вернуться на службу, о чём свидетельствует поданное на имя ротмистра Никифорова заявление, датированное декабрём 1906 г. Однако, заявление так и осталось без ответа [4, лл. 14, 31].

За январь–март 1907 г. калужской жандармерией были рассмотрены прошения ещё 6 человек, решивших работать филёрами и не имевших ранее никакого отношения к жандармерии. 17 января 1907 г. своё прошение о зачислении вольнонаёмным филёром в Калужский розыскной пункт подал запасный унтер-офицер из личных граждан г. Ельца Орловской губернии Владимир Федотович Ильинский, проживавший в г. Ельце (ул.

Покровская, дом Сафронова). В этот же день пришло прошение калужского мещанина Николая Максимовича Ильина, проживавшего в собственном доме в Калуге на Николо-Козинской улице. 25 января были поданы заявки от мещанина г. Яновичи Витебской волости Витебского уезда Шендера Хаимовича Сидура и калужской мещанки Анны Константиновны Киселёвой, жившей в квартире на Боровской улице в доме Соловьёва. В конце февраля и марта 1907 г. на службу в качестве вольнонаёмных агентов наружного наблюдения было принято ещё два человека. Женщиной-филёром стала калужская мещанка, дочь титулярного советника Мария Ивановна Крылова. Из её сохранившегося личного дела мы узнаём, что родилась она приблизительно в 1873 г., получила домашнее образование, но иностранными языками не владела. До 1 марта 1907 г. проживала в Ростове-на-Дону в доме начальника телефонной сети Василия Матвеевича Пономарёва. В Калуге проживала по адресу: Медная улица, дом Копылова. Последним из подавших прошение был сын коллежского асессора Павел Васильевич Поступальский. Помимо названных лиц в калужском розыском пункте под руководством ротмистра Никифорова служило ещё несколько человек. В документах упоминается имя унтер-офицера КГЖУ Балашова. Очевидно, он служил в основном жандармском штате в Калуге. С 28 февраля 1907 г. в штат агентов наружного наблюдения был зачислен и унтер-офицер основного штата КГЖУ Фёдор Григорьевич Кравчук. Кроме того, в штате филёров состоял и унтер-офицер дополнительного штата Михаил Сафронов. Однако заявлений этих людей в архивных материалах не сохранились [5, л. 1-77].

Одним из пунктов служебной инструкции, касающейся филёрской службы было неотступное наблюдение за интересующими политическую полицию фигурами, которым филёры обязаны были присваивать клички. Сведения о наблюдаемых и их знакомствах с указанием примет, видов одежды, наружного состояния занимаемых ими квартир, а главное, название улиц, на которых они находись, должны были оформляться письменно в виде донесений на имя заведующего розыском и агентурой ротмистра Никифорова. Такие донесения частично сохранились за конец марта – начало мая 1907 г.

В наружном наблюдении принимали участие 3 штатных унтер-офицера КГЖУ: Балашов, Кравчук и Серёгин и 4 вольнонаёмных – Крылова, Ильинский, Поступальский и Аранович. Объектами наблюдения были лица, состоявшие в калужской группе партии эсеров. Секретный сотрудник «№ 6» (завербован в составе калужской группы эсеровской партии в сентябре 1906 г. с содержанием в 50 руб.) указал ротмистру Никифорову на проживавшего в Трубаевском переулке в доме Извековой Николая Аманьшина как на деятельного члена партии эсеров, который вёл шифрованную переписку со своими товарищами по партийным делам. Этот человек хранил в своей квартире мимеограф, на котором и печатал прокламации с печатью калужской группы эсеров. Экземпляр одной такой прокламации секретный сотрудник «№ 6» и передал своему непосредственному начальнику ротмистру Никифорову. Тот передал справку об объекте со всеми его данными филёрам, поручив тем организовать 21 марта 1907 г. наблюдение за его домом и всеми, кто входил и выходил оттуда. Аманьшину была присвоена кличка «Белый». Наблюдение велось филёрами с 21 марта до 8 мая 1907 г. Рабочий день калужских филёров был довольно продолжительным. Иногда он длился с 9 утра до 9 вечера. В иных случаях с 15.00–16.00 и кончался в 22.00–23.00 [9, лл. 1-78 об.]. Наблюдение за группой «Белого» не велось лишь в течение 30–31 марта и 1 апреля в связи с предписанием начальника КГЖУ, приказавшего организовать наблюдение на другой группой объектов [9, л. 16]. За полтора месяца филёры выследили около 30 чел., связанных с эсером «Белым». После получения каждого донесения Никифоров поручал прикреплённому к калужскому розыскному пункту околоточному надзирателю 3-й части 10 околотка Дмитрию Моисеевичу Георгиевскому установить личность людей, адреса которых указаны в донесениях филёров. В донесениях агентов упоминался некий человек под кличкой «Борода», видимо им был учащийся калужской духовной семинарии Леонид Прозоровский, проживавший на Богоявленской улице в доме Постникова. Наблюдаемый по кличке «Очки» оказался Александром Владимировичем Борисовым, жившим на Воробьёвской улице в доме Заверина.

Можно предположить, что А.В. Борисов был родным братом Николая Владимировича Борисова (1887 – 1959) – члена калужского комитета РСДРП, а после революции 1917 г. – члена Калужского губкома РКП (б), затем секретаря губисполкома. Наблюдаемый по кличке «Фунтик» - Михаил Карлович Кунце проживал в собственном доме на Знаменской улице [9, л. 29]. Ещё одна знакомая «Белого» - Наталья Дмитриевна Соколова, прозванная филёрами «Шатенкой», оказалась дочерью домовладелицы Михайловой, проживавшая на Знаменской улице в доме матери. Место жительства ещё одной знакомой «Белого», некой «Блондинки» околоточному Георгиевскому выяснить не удалось. Известно лишь, что она была женой чиновника контрольной палаты Григория Фёдоровича Никольского. Замеченная в компании «Белого» «Русая» оказалась одной из четырёх дочерей домовладелицы Товарковской, проживавшей на Спас-Жаровской улице в собственном доме. Молодой человек, прозванный филёрами «Красный», произведённой установкой оказался крестьянином д. Дубровки Ефремовского уезда Тульской губернии Егором Самойловичем Ислановым, проживавшим в Калуге (Жорин, ныне 1-й Красноармейский) переулок, дом Фалеева). Объект «Румяный» оказался Семёном Алексеевичем Лебедевым, который жил на Старо-Козинской улице в доме Кашенова [9, лл. 12, 13, 19, 25, 33]. Три объекта, за которыми наблюдали калужские филёры, не имели никакого отношения к связям «Белого». Один из них по кличке «Храбрый» оказался Владимир Иванович Малинин – родной брат Д.И. Малинина, также одного из деятелей калужского революционного подполья, а в будущем известного калужского краеведа. Владимир Малинин, как и другой его товарищ Леонтий Иванович Песоченский по кличке «Круглоликий» были учащимися Калужской духовной семинарии, проживали по Трубаевскому переулку в доме Извековой. Кличку «Чёрный» филёры присвоили Петру Алексеевичу Тихомирову, проживавшему в доме Вышеславцевой на Одигитриевской улице (ныне ул. акад. Королева). Адрес упоминаемого в филёрских донесениях под кличкой «Рубаха» выяснить не удалось. Звали его Василий Алексеевич Голожитов. Михаил Михайлович Образцов -

«Высокий» проживал около Покровской улицы в собственном доме. Фёдор Карлович Мейер, он же «Бледный», проживал на Садовой улице в доме Прихоткина. По стечению обстоятельств околоточный Георгиевский служил в части, которую возглавлял Александр Николаевич Денисов. Его сын Александр оказался одним из тех, за кем наблюдали филёры Никифорова. Он принадлежал к калужской группе партии эсеров и обладал правом совещательного голоса в Областном бюро партии. Денисов-младший занимался пропагандистской работой в войсках калужского гарнизона. В наружном наблюдении он проходил под кличкой «Студент» [9, лл. 43, 44, 45, 46, 47, 48]. Ещё один из наблюдаемых по кличке «Сизый» оказался членом социал-демократической партии по фамилии Голубев, потому и не было помещён Никифоровым в отчёте. Кличку «Смуглый» филёры присвоили Николаю Матвеевичу Егорову, проживавшему на Казанской улице в доме Образцова. Студент реального училища Николай Иванович Иванов в филёрских донесениях фигурировал под кличкой «Блондин». Установить адреса ещё пятерых наблюдаемых, обозначенных в филёрских отчётах кличками «Техник», «Угрюмый», «Пиджак», «Шпик», «Рыжий» не удалось [9, лл. 59 об., 63, 71 об., 74]. Бывали случаи, когда ротмистр Никифоров сам вёл наружное наблюдение. Для таких целей он нанимал экипажи у двух извозчиков. Каждому из них в месяц он платил по 3 руб. К таким мерам ротмистр прибегал в целях предотвратить провал филёров, так как, по его же словам, вести наблюдение в Калуге крайне затруднительно [1, лл. 127-127 об., 128]. Несмотря на это, филёры сами время от времени подвели ротмистра Никифорова. Речь шла конкретными лицами – Ильинском и Поступальском. Эти люди страдали тем же пороком, что и Мазуренко с Грибановым. Слух о ведении нетрезвого образа жизни вольнонаёмным агентом наружного наблюдения Ильинского поступил на следующий день после принятия его на службу в Калужский розыскной пункт 23 марта 1907 г. Ротмистр Никифоров пригрозил Ильинскому увольнением в случае появления на службе в нетрезвом виде [5, л. 36]. 1 июня 1907 г. филёр Ильинский и его коллега Поступальский были уволены за нетрезвое поведение [5, л.

67]. Уволенные агенты предпринимали попытки отмстить Никифорову, грозя донести на него в Департамент полиции. Ротмистр сыграл на опережение и проинформировал об этом инциденте временно исполняющего обязанности начальника КГЖУ ротмистра А.Н. Дурново [5, л. 67].

Заведующий розыскным пунктом обязан иметь в своём штате и внутреннюю агентуру. К 2 октября 1906 г. на службе у ротмистра Никифорова находилось 5 секретных сотрудников. 1 апреля 1906 г. был завербован член калужской группы социал-демократов. Ему была присвоена кличка «Длинный». Его содержание обходилось Департаменту полиции в 50 руб. [4, лл. 16-16 об.]. 1 августа Калужским розыскным пунктом был завербован член калужского комитета партии эсеров, имевшего связи с группой экспроприаторов и эсерами-максималистами Андрей Капитонович Бровцев под псевдонимом «Кузьмин» [4, лл. 16-16 об.]. В бумагах ротмистра Никифорова обнаружена метрика о родившемся в 1887 г. с фамилией Бровцев, выданная причтом калужской Благовещенской церкви, паспортная книжка № 424, выданная Следнявским волостным правлением Калужского уезда, свидетельство за № 158 от 27 мая 1901 г. об окончании 2-классного Кондровского образцового училища [5, л. 19]. Через месяц в штат внутренней агентуры был зачислен секретный сотрудник по кличке «№2».

У руководителя розыскного пункта имелась, как правило, своя канцелярия. Канцелярия ротмистра Никифорова располагалась по Пушкинской улице в доме в начале статьи название иначе доме Медзыховской [8, л. 6]. Её содержание, включающее отопление и свет обходилось жандармскому офицеру ежемесячно в 25 руб. Делопроизводство возлагалось частично на письмоводителя канцелярии, частично на заведующего розыскным пунктом ротмистра Н. М. Никифорова. С 30 мая 1906 г. по 26 июня 1907 г. в канцелярии калужского розыскного пункта сменилось три письмоводителя. Так же, как штатные и вольнонаёмные агенты наружного наблюдения КГЖУ, потенциальные письмоводители писали заявление на имя заведующего розыскным пунктом с просьбой рассмотреть их кандидатуру на должность письмоводителя или сторожа канцелярии, а также

давали подписку о неразглашении служебных тайн с предупреждением об ответственности за их разглашение.

В канцелярии Калужского розыскного пункта по делу наблюдения и розыска велись журналы входящих и исходящих бумаг, книга и дело внутренней агентуры, дела по агентурным наблюдениям (дневники наблюдений и листки сводок), а также дела об определении сотрудников и штатов агентов наружного наблюдения. Особый интерес представляют агентурные данные, своевременное получение которых спасло жизнь отдельным служащим жандармских и полицейских чинов. Летом 1906 г. в числе важных сообщений секретной агентуры ротмистра Никифорова были данные о приготовлении покушения на жизнь начальника Калужского ГЖУ полковника В.П. Шлейфера, самого ротмистра Никифорова и калужского губернатора шталмейстера А.А. Офросимова. Были установлены точные мотивы, организаторы и непосредственные исполнители покушений. Характеризуя личность начальника калужской жандармерии, следует признать, что, с одной стороны, в революционных кругах Виктора Павловича считали человеком гуманным, но с другой, не могли простить ему ареста наиболее деятельных участников революционного движения – служащих калужских железнодорожных мастерских: Циглера, Титова и Гурова. Оставшимся на свободе революционерам стало известно, что арестованных должны были сопроводить на станцию «Калуга» для доставки в тюрьму г. Жиздра, поэтому единственной возможностью освободить их была организация нападения на жандармов во время сопровождения под конвоем на станцию «Калуга» для дальнейшей перевода в жиздринскую тюрьму. Через «своего» человека в калужской тюрьме, где предварительно содержались заключённые, они узнали об этом. Однако, жандармы их опередили. Ротмистр Никифоров распорядился, чтобы 3 июня к 1 часу ночи почтовые экипажи ждали за городом у кузниц, куда тайно на трёх извозчиках доставили заключённых, а оттуда их перевезли на станцию «Воротынский», с которой благополучно доставили в тюрьму г. Жиздры [7, л. 35-35 об.]. Потерпев неудачу в попытке спасти товарищей, железнодорожники решили отомстить. 15 июня за р. Окой в полукилометре от моста

состоялся митинг, на котором в числе прочих участников были члены боевой дружины калужских железнодорожных мастерских – Богомоллов, Сушков, Егоров и Дёмин. Среди участников митинга был секретный сотрудник розыскного пункта «Владимиров». На этом митинге было принято решение об устройстве покушения на жизнь начальника КГЖУ. Выяснить распорядок дня полковника вызвался Богомоллов (проживал в Калуге на улице Косьмы и Дамиана в квартире некоего Сергеева). Богомоллов, узнав, что в июне Виктор Павлович собирался уехать в отпуск по железной дороге, решил убить Шлейфера по дороге на вокзал разрывным снарядом. Возможно, первая попытка покушения не состоялась из-за своевременного вмешательства ротмистра Никифорова, предупредившего начальника калужской жандармерии. С другой стороны, кандидатура Богомоллова могла быть отклонена. 16 июня от того же секретного сотрудника Никифоров узнал, что в его начальника будет стрелять другой член боевой дружины Михаил Беркович (проживал в Калуге на Никольской улице, рядом с мастерской портного Зильберштейна, напротив церкви Николая Чудотворца). Беркович должен был стрелять при входе Шлейфера в вагон поезда, но и эта попытка не увенчалась успехом. Шлейфер остался жив и благополучно служил в КГЖУ до сентября 1907 г., когда его сменил на этой должности полковник А.С. Виноградов [7, л. 49–49 об.].

Куда более серьёзная подготовка велась по организации покушения на калужского губернатора. Организатором покушения был калужский семинарист Егоров. Террористы планировали пробраться к дому губернатора, располагавшегося в городском саду (ныне ЦПКиО г. Калуги) со стороны Оки и бросить бомбу в окно. Однако, всё пошло не по плану. В начале телеграфист Сергеев бросил бомбу из городского сада в сад дома губернатора, но бомба, оказалась намокшей, поэтому не взорвалась [7, л. 50об.]. У дома губернатора постоянно дежурил часовой из городских, прикрепленный к охране губернаторского дома. График дежурств городского были обязаны выяснить революционеры Ефимов и Конев. Но и этой попытки ничего не вышло, губернатор остался жив [7, л. 48об.].

2 апреля 1906 г. планировалось

покушение на служащих общей полиции 2-й части г. Калуги. Организовать покушение должен был студент Радилев. Покушение было совершено неудачно.

Третьей составляющей работы розыскного пункта была перлюстрация почтовой корреспонденции. В архивных материалах хранятся письма политических арестантов, перлюстрированных в калужской почтово-телеграфной конторе в отделе до востребования. Известно, что сотрудник отделения, некто Лавренов за вскрытие писем ежемесячно получал в калужском розыском пункте 10 руб. Вероятно, ещё как минимум 5 человек занимались перлюстрацией, поскольку в финансовых отчётах ротмистра Никифорова общая сумма затрат на перлюстрацию составляла 15 руб. Из них 10 руб. – Лавренову и по 1 рублю сотрудникам почты за каждое вскрытое письмо [4, л. 16 об.]. Оттуда в руки руководителя розыскного пункта попадали письма членов революционных организаций. Одним из первых писем, перлюстрированных в почтово-телеграфной конторе, было письмо арестанта Медынской тюрьмы Василия Лисицына, адресованное в Петербург на имя некоего Николая Соловьёва по адресу: Прогонный переулочек д. 1, кв. № 3 [6, л. 1]. Точно неизвестно, когда оно было написано, но подлинник письма скорее всего был передан через полковника Шлейфера в Особый отдел Департамент полиции, а оттуда была передана копия в жандармское управление. Основное содержание письма заключало в себе слова поддержки петербургским товарищам в их борьбе с самодержавием. Арестант Медынской тюрьмы Овсянкин писал из неё некоему товарищу «Коле». Текст письма даёт информацию о количестве арестантов медынской тюрьмы и их партийной принадлежности. Изначально в 1906 г. в данной тюрьме сидело 33 человека, затем их число уменьшилось до 25 человек (эсеров и социал-демократов), поскольку 8 человек административным порядком были высланы в Тобольск, в Архангельск, в Вологодскую губернию. [6, лл. 3-3 об., 4-4 об.]. Следующее письмо было перлюстрировано 22 сентября 1906 г. Его автором был некто Сергей. На конверте указывались только главные буквы «И.Ф.». Ротмистром Никифоровым был установлен пост возле отдела до востребования. 29 сентября за письмом явился надсмотрщик почтово-телеграфной конторы

Иван Фомичёв, за которым и было организовано наблюдение. Наряду с этим ротмистр принял меры к выяснению личности отправителя письма [6, лл. 5-5 об., 6-6 об.]. Ещё два письма были перлюстрированы 23 ноября 1906 г. Они были переданы начальнику КГЖУ прокурором Калужского окружного суда Даниловым. Отправителями были члены боевой организации партии эсеров Головин и Дмитриев. Ещё четыре письма были перехвачены 30 ноября, одним из авторов которого был вышеупомянутый Головин, а также Воронцова, Дмитриева и Рязанкин. Ещё два письма арестанта Дмитриева попали в руки жандармам 4 декабря, а 5 декабря – ещё 4 письма от Головина, Мартынова и Воронцова [6, лл. 7, 8, 9, 10]. Самих писем, за исключением копий писем Лисицына и «Сергея», в деле не сохранилось. Неоднократно охранные отделения различных районов перлюстрировали почтовую корреспонденцию местных революционных ячеек. Если письма были адресованы калужским товарищам, то руководители охранных отделений обращались с запросами к калужским коллегам установить личность этих адресатов.

Заключение (выводы). Итак, для контроля над ситуацией в «спокойных» в политическом отношении губерниях, где ранее не существовало охранных отделений, были образованы розыскные пункты – вспомогательные органы в структуре политического сыска тех регионов, социально-политическая обстановка которых была близка к критической. Образованный в ходе Первой русской революции Калужский розыскной пункт входил в состав Центрального (Московского) районного охранного отделения и возглавлялся специально прикомандированным к жандармскому управлению губернии офицером Отдельного Корпуса жандармов. Его задачей была организация наружного и внутреннего наблюдения за деятелями революционных организаций. Наружное наблюдение осуществлялось штатными агентами жандармского управления и вольнонаёмными агентами. Первоначально штат агентов Калужского розыскного пункта комплектовался вольнонаёмными филёрами в количестве 4 человек, возглавляемых также вольнонаёмным филёром. Сословное происхождение установлено только у двоих. Один (Дадочкин) из крестьян, другой (Лабзов) – мещанин.

Оба не были коренными калужанами и являлись уроженцами других регионов. Сословный статус ещё двух вольнонаёмных агентов (Грибанов и Мазуренко) не известен, но оба они были калужанами. Анализ архивных материалов показывает, что некоторые из этих людей зарекомендовали себя с негативной стороны, так как вели нетрезвый образ жизни и пренебрегали работой. За это и были впоследствии уволены. В числе провинившихся филёров были Грибанов и Мазуренко. Дадочкин впоследствии был разоблачён калужскими революционерами как жандармский агент и чудом избежал расправы. Справедливости ради стоит отметить, что агент Зуев как старший в филёрской группе своевременно информировал ротмистра Никифорова о провале Дадочкина, но Никифоров по не установленной на данный момент причине, не «вывел проваленного агента из игры». Это обстоятельство едва не стоило жизни, как Зуеву, которому ротмистр Никифоров присвоил псевдоним «Лабзов», так и самому жандармскому офицеру. Дело в том, что Дадочкин под угрозой убийства выдал революционерам Зуева, Никифорова и одного из секретных сотрудников ротмистра. Можно говорить о низком результате работы Калужского розыскного пункта по части организации наружного наблюдения в первые пять месяцев существования данного органа. Результат работы внутренней агентуры был иным. За тот же срок ротмистром Никифоровым было завербовано 5 секретных агентов: двое – в партии эсеров, один – в партии социал-демократов, один – в районном комитете мастерских Сызрано–Вяземской железной дороги и ещё один сотрудник в войсках калужского гарнизона. Все они носили определённые клички и псевдонимы. О ценности предоставляемых секретными сотрудниками информации частично можно судить по количеству получаемого ими вознаграждения, которое им выплачивал ротмистр Никифоров, получая финансирование из столичного Департамента полиции. Содержание агентуры обходилось в 300–350 руб. Из них донесения филёров и секретных сотрудников оформлялись жандармским офицером в виде книг и дел внутренней агентуры, при сохранении черновики сообщений секретных агентов.

С 1907 г. качество работы филёров

Калужского розыскного пункта несколько повысилось. К работе были привлечены новые агенты, укомплектованные из основного и дополнительного штата Калужского ГЖУ. Речь идёт об унтер-офицере Кравчуке, Балашове, Сафронове, Серёгине, Горелове. Вольнонаёмные филёры также привлекались к работе в розыскном пункте. Но они не пользовались большим доверием, а потому их редко определяли в наряд по одному. Обязательно им в напарники выделялся либо унтер-офицер, либо вольнонаёмный филёр, работа которого оценивалась как продуктивная. Настоящим приобретением для калужского розыскного пункта стало принятие на работу вольнонаёмного филёра Марии Крыловой. Она происходила из калужских мещанок. За успехи по службе ей неоднократно увеличивалось жалованье. Эта женщина дольше всех работала на жандармерию. Ещё одним доказательством доверия к её работе служит тот факт, что дважды в 1912 г. и 1914 г. она выезжала в командировку в Московское охранное отделение и один раз в Варшавское охранное отделение. Именно за это после революции 1917 г. она и поплатилась собственной жизнью, будучи расстрелянной, как и её коллега Семён Горелов. В 1907 г. приняли на службу ещё 3 чел. в качестве вольнонаёмных филёров. Один из них был из личных граждан, другой – сын коллежского асессора, а третий – выходец из мещан г. Калуги. Однако результаты их работы были тоже далеки от совершенства, так как они вели нетрезвый образ жизни (Ильинский, Поступальский и Дадочкин). Все эти факты убеждают нас в недостаточном умении ротмистра Никифорова разбираться в людях, а также в недостаточной профессиональной компетентности ротмистра. Пример оценки начальством его работы подтверждают эту точку зрения.

У заведующего Калужским розыскным пунктом Никифорова была и своя канцелярия. Одно время канцелярия находилась на Горшечной улице в доме Тищина [10, л. 15]. О внутренней обстановке этого помещения не осталось сведений. Спустя некоторое время ротмистр приобрёл помещение на Пушкинской улице в доме Медзыховской. 9 марта 1907 г. в канцелярии была образована библиотека из изъятых при обыске магазина «Маяк» нелегальной литературы. Никифоров

ходатайствовал перед начальником управления о разрешении лично присутствовать при обыске в магазине и отобрать нужные ему для библиотеки книги, брошюры, воззвания и листовки [5, л. 22–23]. В Калужском розыском пункте занимались перлюстрацией исключительно писем политических арестантов тюрем Калужской губернии. Письма перлюстрировались в почтово-телеграфной конторе Калуги, где надёжному человеку выплачивалось ежемесячное вознаграждение. В архивных документах остались только копии нескольких писем.

В 1909 г. розыскной пункт в Калужской губернии был ликвидирован как ненужный. Данный факт можно объяснить, с одной стороны, достаточно «спокойной» обстановкой в губернии в политическом отношении, а с другой – низкой эффективностью деятельности общей полиции и данного органа, недостаточной компетентностью её служащих и медлительностью их работы. Между тем, на стыке трёх губерний: Орловской, Калужской и Смоленской был совершен ряд резонансных преступлений политического характера. Одно из таких преступлений было совершено 15 ноября 1908 г. в с. Песоченский Запад Жиздринского уезда Калужской губернии, когда была совершена экспроприация

денежных средств Песоченской почтовой конторы. В ходе «экса» был убит почтовый контролёр, смертельно ранен (впоследствии скончался) стражник Василий Плетёнкин и кучер [15, л. 4]. Особо выделялся политической нестабильностью Брянский уезд Орловской губернии, именно здесь широко развернули свою деятельность боевые организации эсеров, в первую очередь – жиздринская боевая организация. Выход из сложившейся ситуации предложил начальник Московского охранного отделения М.Ф. фон Коттен. По его мнению, Калужский розыскной пункт следовало упразднить, а на его месте создать новый на территории трёх губерний: Орловской, Калужской и Смоленской. Этим новым пунктом должен был стать Брянский розыскной пункт с подчинением ему Карачевского уезда Орловской губернии, Жиздринского уезда Калужской губернии, Рославльского уезда Смоленской губернии и Брянского железнодорожного узла. 12 апреля 1909 г. Департамент полиции одобрил идею начальника московской «охранки» и М.Ф. фон Коттен приступил к практической стороне реализации своего проекта. 20 августа 1909 г. Брянский розыскной пункт был создан. Начинаясь новый эпизод в истории политической полиции Российской империи.

Список литературы

1. Государственный архив Калужской области (далее – ГАКО). Ф. 784. Оп. 1. Д. 599. Переписка с начальником отделения по охранению общественной безопасности и порядка г. Москвы, Департаментом полиции о наблюдении за лицами, прибывшими в Калугу с целью экспроприации и заподозренными в принадлежности к политическим партиям.
2. ГАКО. Ф. 1332. Прикомандированный к Калужскому губернскому жандармскому управлению ротмистр Н.М. Никифоров. Оп. 1. Д. 12.
3. ГАКО. Ф. 1332. Оп. 1. Д. 13.
4. ГАКО. Ф. 1332. Оп. 1. Д. 14.
5. ГАКО. Ф. 1332. Оп. 1. Д. 15.
6. ГАКО. Ф. 1332. Оп. 1. Д. 16.
7. ГАКО. Ф. 1332. Оп. 1. Д. 37.
8. ГАКО. Ф. 1332. Оп. 1. Д. 44.
9. ГАКО. Ф. 1332. Оп. 1. Д. 50.
10. ГАКО. Ф. 1332. Оп. 1. Д. 65.
11. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. 00. 1902. Д. 825. Положение о районных охранных отделениях.
12. ГАРФ. 102. Оп. 260. Д. 259. Положение о начальниках розыскных отделений.
13. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 262. Д. 16. Положение об охранных отделениях.
14. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 262. Д. 23. Инструкции начальникам по организации наружного наблюдения.
15. ГАРФ. Ф. 280. Оп. 1. Д. 3043. Агентурные сведения по Калужской губернии по

партии социалистов-революционеров.

16. Опилкин А.С. Центральное (Московское) охранное отделение в системе политической полиции Российской империи: 1907–1914 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 214 с.

THE ACTIVITY OF THE KALUGA SEARCH POST OF THE CENTRAL (MOSCOW) DISTRICT SECURITY DEPARTMENT IN THE STRUCTURE OF POLITICAL INVESTIGATION BODIES IN 1906 – 1907

The article publishes previously unknown data on the features of the structural organization of the political investigation in the Kaluga province, which was part of the Central District Security Department: a) the practice of hiring as detectives (surveillance agents), their number, class affiliation, the amount of monthly maintenance; b) the practice of internal agents (secret employees). The authors have established their nicknames, the exact number, party affiliation, the amount of salary received in the "okhrana"; c) perustration of postal correspondence. Relying on a wide range of sources and rich archival material, the authors tried to determine the place of the Kaluga search post in the system of political investigation of the Russian Empire. The specifics of official contacts between the ranks of the general police and the gendarme officer who led the search and agency in Kaluga and the counties of the province are considered. The authors state the low result of the work of the surveillance service (detectives) and reveal the reason – the insufficient ability of the head of the search point, Captain N.M. Nikiforov, to understand people and his insufficient professional competence. In 1907 the quality of the work of the detective service has improved somewhat, but under the supervision of an experienced agent. The quality of the work of the internal agents (agents provocateurs) was better organized, which resulted in the prevention of an attempt on the life of Kaluga Governor A.A. Ofrosimov and the head of the Kaluga provincial gendarmerie department.

Keywords: Central (Moscow) security department, Kaluga search point, Kaluga provincial Gendarmerie department, N.M. Nikiforov, detectives, internal agents, perustration

References

1. Gosudarstvennyj Archiv Kaluzhskoj oblasti (GAKO) [State Archive of the Kaluga Region]. F. 784. Op. 1. D. 599. Perepiska s nachal'nikom otdeleniya po okhraneniyu obshchestvennoy bezopasnosti i poryadka g. Moskvy, Departamentom politsii o nablyudenii za litsami, pribyvshimi v Kalugu s tsel'yu ekspropriatsii i zapodozrennymi v prinadlezhnosti k politicheskim partiyam [Correspondence with the head of the department for the protection of public security and order in Moscow, the Police Department on monitoring persons who arrived in Kaluga for the purpose of expropriation and were suspected of belonging to political parties].

2. GAKO F. 1332. Prikomandirovannyj k Kaluzhskomu gubernskomu zandarmskomu upravleniyu rotmistr Nikiforov [Attached to the Kaluga Provincial Gendarmerie Department, Captain Nikiforov]. Op. 1. D. 12.

3. GAKO. F. 1332. Op. 1. D. 13.

4. GAKO. F. 1332. Op. 1. D. 14.

5. GAKO. F. 1332. Op. 1. D. 15.

6. GAKO. F. 1332. Op. 1. D. 16.

7. GAKO. F. 1332. Op. 1. D. 37.

8. GAKO. F. 1332. Op. 1. D. 44.

9. GAKO. F. 1332. Op. 1. D. 50.

10. GAKO. F. 1332. Op. 1. D. 65.

11. Gosudarstvennyj Archiv Rossijskoj Federatsii (GARF) [State Archive of the Russian Region]. F. 102. 00. 1902. D. 825. Polozhenie o Rayonnykh Okhrannykh otdelenij [Regulations on district security offices].

12. GARF. F. 102. Op. 260. D. 259. Polozheniye o nachal'nikakh rozysknykh otdeleniy [Regulations on the heads of search departments].

13. GARF. F. 102. Op. 262. D. 16. Polozhenie o okhrannykh otdelenij [Regulations on security departments].

14. GARF. F. 102. Op. 262. D. 23. Instruksii nachal'nikam po organizatsii naruzhnogo nabludeniya [Instructions to the heads of security departments on the organization of outdoor surveillance].

15. GARF. F. 280. O. 1. D. 3043. Agenturnyje svedeniya po Kaluzhskoj gubernii po partii sotsialistov-revolutsionerov [Intelligence information on the Kaluga province on the Party of Socialist Revolutionaries].

16. Opilkin A.S. (2012) Tsentral'noje (Moskovskoje) okhrannoje otdel'enie v sisteme politicheskoy politsii Rossijskoj imperii: 1907–1914 gg.: avtoref. dis. kand. ist. nauk [Central (Moscow) security department in the system of the political police of the Russian Empire: 1907–1914: abstract. dis. ... Candidate of Historical Sciences]. М., 214 s..

Об авторах

Власов Александр Евгеньевич – аспирант кафедры истории Калужского государственного института им. К.Э. Циолковского (Россия), E-mail: alexvlasov90@yandex.ru

Штепа Алексей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Калужского государственного института им. К.Э. Циолковского (Россия), E-mail: a-v-stepa@yandex.ru

Vlasov Aleksadr Evgen'evich – Postgraduate Student of the Department of History Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky (Russia), E-mail: alexvlasov90@yandex.ru

Shtepa Alexey Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of the Kaluga State Institute named after K.E. Tsiolkovsky (Russia), E-mail: a-v-stepa@yandex.ru